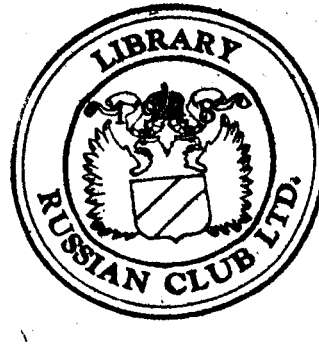
4648

Константин СИБИРСКИЙ

ЧЕРНАЯ ТЕНЬ НАД МОИМ СОЛНЕЧНЫМ ЗАВТРА

СИБ 3-1а

РОМАН



1. Поклонники идей Маркса

В светлой, обставленной модерной мебелью, комнате происходит оживленная дискуссия. Четверо, среднего возраста интеллигентных мужчин, разбившись на два противоречивых лагеря, ожесточенно спорят.

— Да! Идеи Карла Маркса...—при этом Мак Рэд поворачивается к стенному портрету своего бородатого кумира,— мне положительно нравятся!

— Решительно не понимаю, что в них может нравиться?—удивлен Джеф.

— Ведь только подумать: при коммунизме каждый будет трудиться по возможности, а получать по потребности!—страстно доказывает Мак Рэд.

— Но, мой дорогой друг! Ведь это чистая утопия! Эта идея противоречит здравому смыслу,—возражает Джеф.

— Почему же?—недоумевает Мак Рэд.

— Если ваши возможности трудиться будут очень невелики, а потребности, наоборот, будут все время увеличиваться, ибо нет преград человеческим желаниям, то спрашивается—откуда появятся блага, чтобы удовлетворить эти потребности? Очевидно, для благоденствия членов коммунистического общества необходимо ввести институт рабов...

— Это уже совершенная чепуха,—кипятится Мак Рэд.— Вы, Джеф, просто переходите на демагогические приемы!

— Нет, зачем же... Совершенно серьезно! Очевидно, институт рабов действительно необходим, если это уже практикуется в некоторой стране, ставящей социальные эксперименты в грандиозном масштабе. Верхушка этого общества трудится по возможности мало, а получать стремится много. Для этого нужно, чтобы кто-то трудился даже сверх возможностей, а для этого, в свою очередь, нужна палка... — делает выразительную паузу Джеф.

Стул Джефа попадает в портрет Маркса.

Мак Рэд пристально смотрит на говорящего и в его серых, стальных глазах вспыхивает злой огонек.

— На какую страну вы намекаете?

— Я не намекаю и не назвал эту страну лишь потому, что все присутствующие прекрасно это знают. Люди, имеющие трезвый ум и немного способности самостоятельно мыслить, знают на примере этой страны, что коммунизм несет разруху и хаос.

— Коммунизм несет светлое, прекрасное будущее!

— Не кажется ли вам, Джеф, что вы увлекаетесь?—подымается, до сего времени молчавший, Де-Форрест.—Вы должны признать, что в советской России происходят гигантские общественные сдвиги, а, если они не происходят без некоторого, э-э... трения, то что же здесь удивительного?... Кто хочет съесть яйцо — тот должен разбить скорлупу...

— Коммунизм — это черная тень над моим солнечным завтра! Я далек от мысли утверждать, что у нас в Штатах все безукоризненно, но я не стану разбивать скорлупу, чтобы добраться до тухлого, отвратительно воняющего яйца, которое я не только не в состоянии буду съесть, но и глядеть на которое омерзительно. Воля ваша, друзья, но я буду всегда голосовать против коммунистов!—отвечает Джеф, сохраняя невозмутимое спокойствие.

— Я так и поступаю,—изрекает молчаливый Кларк.

— Мы не будем вас спрашивать. Среди американцев слишком много Джефов, чтобы можно было рассчитывать, что они добровольно откажутся на выборах от своего личного маленького благополучия во имя идеи прекрасного завтра... Мы просто введем коммунизм, как это сделали в России,—не унимается все больше разъяряющийся Мак Рэд.

— В Америке вы этого не сделаете. Именно в Америке и именно потому, что в ней слишком много «Джефов», которые имеют свое собственное благополучие... Ведь для коммунизма необходимы нищета, разруха и хаос. Только в такой питательной среде наиболее благоприятно культивируется бацилла Маркса!... Миллионы «Джефов» помешают вам, Дуглас Мак Рэд!

— Нам помогут! И мы попросту раздавим вас!

— Это будет не так просто сделать... Даже в советской России не успели раздавить своих «Джефов» за двадцать лет...

Обстановка накалена до пределов. Противники с разъяренными взглядами обмениваются колкими, как рапира, репликами. Ссора начинает разгораться, будто костер, политый бензином.

— Дуглас Мак Рэд! Если бы вы не были моим старым другом и современным человеком, я прекратил-бы разговор, оставив вас с идеей, которой вы одержимы, в покое, но...

— Вы мне читаете нотации, Джеф?

— Вы очень изменились, Дуг! С тех пор, как старый Нортон Черман, этот профессор левых убеждений, осторожно и умело привил вам, как страсть к особому наркотику, идеи небезызвестного почтенного старца, которые противоречат духу современного цивилизованного человечества..

Мак Рэд подымает тяжелый дубовый стул, пытаясь ударить по голове своего красноречивого оппонента. Де-Форрест спешит вмешаться, но уже поздно.

Начинается потасовка. Джеф—ловкий парень. Прыгнув в сторону, он избегает сокрушительного удара, который обрушивается на стеклянный шкаф. Звон бьющегося стекла. Летят стулья, посуда и всевозможная утварь.

Стул Джефа попадает, в портрет Маркса. Тяжелая рама, несколько раз качнувшись, с грохотом рушится на пол.

Появившийся на крыльце коттеджа почтальон недоуменно прислушивается к звукам потасовки и нерешительно стучит в дверь.

После повторного стука он толкает дверь, она открывается и перед его взором представляется картина битвы... Бойцы смущенно останавливаются.

— Бэзболл?—понимающе кивает он

— Вроде того...—приглаживая волосы, отвечает Кларк.

— В завтрашнем матче «Мемфис», несомненно, всыплет «Вавилону»,—говорит почтальон, видимо, намереваясь поговорить, — в прошлом матче они получили четыре пункта, когда.

— Вы наверное принесли письмо? — напоминает Мак Рэд.

— Мистеру Дугласу Мак Рэд, инженеру. Распишитесь! —протягивает почтальон конверт.

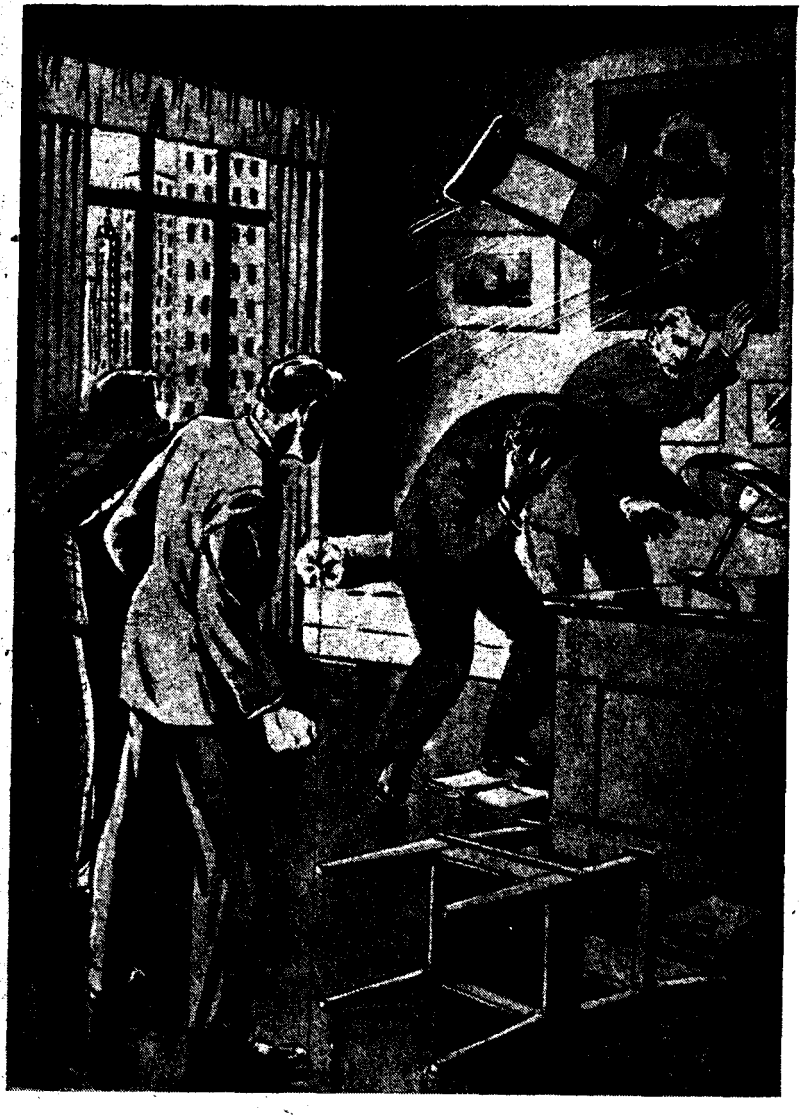
Мак Рэд читает письмо. Остальные о чем-то оживленно беседуют с почтальоном, энергично жестикулируя.

— Я получил приглашение от советского торгового представителя,—кончив читать, говорит Мак Рэд. — Он, по рекомендации компартии США, предлагает на выгодных условиях должность инженера-консультанта в Советском Союзе...

— Это бизнес!—восклицает Джорж Де-Форрест. — От этакой штуки не отказался бы и я!...

— Вы примете предложение, Мак Рэд? — спрашивает Кларк.

— Чорт возьми! Что за вопрос?—отвечает Мак Рэд.



Стул Джефа попадает в портрет Маркса.

— Знаете что, друзья-коммунисты,—говорит Джэф, подымая обломок стула,—вы поезжайте посмотреть великий социальный эксперимент на практике! И я иду в пари, поставив сто тысяч против тысячи долларов, что вы, увидев коммунистический рай, вылечитесь от этой модной и опасной болезни.

— Конечно, поедем!—вызывающе бросает Мак Рэд.

— Чудесно!—доволен Джеф.

— Вот и хорошо!—добавляет Кларк.

— Прекрасно!—подтверждает Де-Форрест.

— Нашу дискуссию о коммунизме в теории и об опыте, полученном на практике, мы перенесем на...сколько?—спрашивает Джеф.

Они предлагают заключить договор на два года.

— О-кей! Дискуссия откладывается на два года. А пока, друзья, вспомним славные традиции нашей четверки, выпьем, повеселимся и не будем касаться политики. Я уверен, что о сегодняшней потасовке мы забудем через два года!

— Ты, Джеф, самый политичный неполитик, среди наших политиков,—говорит Кларк, наливая стаканы.

— Да!—восклицает Мак Рэд, подымая стакан — Джеф всегда умел уговорить нашего Иеремию Джиббса ставить ему лучшие баллы, чем он заслуживал.

— Он умеет уговаривать!—подтверждает Де-Форрест.

— Ну, меня он не уговорит... Однако, мы принимаем ваше предложение, Джеф! Кроме того, я принимаю пари: сто тысяч—против тысячи. Отложим окончание нашей дискуссии. А теперь—здесь стало неуютно. Не сменить-ли нам этот разгром на, скажем... прелести какого-нибудь ночного клуба?...

Приятели Мак Рэда горячо одобряют его предложение.

* * *

Ярко освещенный зал ночного дансинга. Ленты серпантина опутывают танцующих. Среди них четверка старых университетских приятелей... Заразительно хохочущие женские голоса.

Джеф шутливо предлагает устроить конкурс красоты. Перед зрителями проходит несколько герлс. Друзья обмениваются репликами.

— Вон та, средняя?

— Чудная девушка!

— Славненькая, славненькая!

— А ты, Дуг, не интересуешься?

— О, он у нас одержимый! Дуг может даже с девушками вместо любви разговаривать только о коммунизме,—иронизирует Де-Форррест.

Стул Джефа попадает в портрет Маркса.

всемирную революцию... И штаб ее находится здесь! — беседует в одиночестве таинственный лик.—Я хочу господствовать над миром, и тогда!...

Он смотрит тяжелым остановившимся взором, будто трибун перед тысячами невидимых слушателей.

— Вы почувствуете месть человека, травимого буржуазным обществом!! Час расплаты близится! Я ничего не забыл!! О, нет!!!

Полуночный одержимый оратор трясет своей гривой. В его проницательных глазах зажигаются и блекнут какие-то удивительные и недобрые фосфорические огоньки. Быстро и безшумно, как огромная дикая кошка, он ходит по диагонали кабинета, устланном мягким персидским ковром, беседуя сам с собой.

— У нас есть прекрасные агенты — генералы коммунизма—индусы и финны, болгары и сербы, немцы, поляки и даже пламенная испанка—«Неистовая Пассионария»—Долорес Ибаррури!!

Человек с львиным лицом подходит к пьедесталу и перелистывает огромный альбом деятелей Коминтерна. Перед его взором мелькают фотографии Тореза, Андре Марти, Матиаса Ракоши, Дюкло, Анны Паукер, Куусинена, Долорес Ибаррури, Сен Катаямы, Тельмана и Эрколи.

Тяжелый застывший взгляд останавливается на пустых незаполненных листах альбома.

— Нам не хватает достойных, беззаветно преданных американцев и англичан. Это упорно антикоммунистические народы. Проклятый капитализм глубоко запал в их душу, сердце и психику. Поэтому на них необходимо обратить особое внимание... Я должен создать новые кадры. Отыскать, взрастить и воспитать своих генералов. На это потребуются годы. Но я терпелив, и не отступлю ни перед чем. Годы?... —Ха, ха, ха.. Здесь, за этими старинными стенами я в большей безопасности, чем тогда, когда меня судили за поджог Рейхстага.. Когда-то мне сказал один мой друг.—Ты способен поджечь не только Рейхстаг, но и весь мир! — Ха, ха, ха! И может быть это правда!?...

Он снова возвращается к письму, присланному из-за океана и просматривает его вторично.

— Характеристика Цека американской компартии блестяща. Его отец написал книгу. И он тоже пишет... Это хорошо.... Теперь он приехал изучать коммунизм на практике. — Однако, это выглядит несколько иначе, чем в теории... Идея! Я его засажу за учебу в Коммунистический Университет Народов Запада... И если нужно будет, я буду заниматься с ним сам....